

К СПОРАМ О ДОСТОЕВСКОМ

С.В. Оболенская

РУССКИЕ И ЕВРОПЕЙЦЫ. ПОИСКИ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ДОСТОЕВСКОГО

М.М. Бахтин, автор одной из самых замечательных книг о Достоевском, начиная ее историографическим обзором, подчеркивал, что "литература о Достоевском была по преимуществу посвящена идеологической проблематике его творчества. Преходящая острота этой проблематики заслоняла более глубинные и устойчивые структурные моменты его художественного видения. Часто почти вовсе забывали, что Достоевский прежде всего художник (правда, особого типа), а не философ и не публицист"¹. Разумеется, смысл высказывания Бахтина гораздо глубже, чем простое указание на ту борьбу вокруг его творческого наследия, которая началась тотчас после кончины великого писателя и продолжается и поныне. Однако его можно с полным правом отнести и к этой борьбе.

Больше 100 лет прошло после смерти Достоевского, казалось бы, страсти могли и поутихнуть, но до сих пор в большинстве исследований о нем, выходящих в нашей стране, несмотря на неизменные и горячие уверения авторов относительно собственной беспристрастности, непредвзятости и искреннего стремления к истине, звучит вопрос, который несколько лет назад Л. Сараскина вынесла в заглавие своей статьи в "Литературной газете" (7 февр. 1990 г.): "Достоевский - чей он?" Завершая свою статью утверждением, что если обратиться на писателя "непредубежденный взор", станет ясна "совершенная бессмысленность" этого вопроса, основную часть своего текста она все же отдает попытке на него ответить. И все другие исследователи, хотя и пытаются отречься от подобного подхода, ставят этот вопрос - вольно или невольно, эксплицитно или имплицитно - порой с первых же строк или страниц своей работы.

Когда речь идет о гениальном художнике, все стороны его жизни и деятельности, его взгляды, пристрастия, все, что представляется нам сегодня верным или ошибочным, могут быть поняты только в целостном исследовании его творчества. Это, конечно, в полной мере относится и к Достоевскому. Полностью отдавая себе отчет в том, что только подобное исследование, которое должно быть отмечено глубоким

проникновением в ткань великих творений писателя и всего оставленного им наследия, может дать ответ на жгучие и недоуменные вопросы, возникающие по поводу общественных позиций Достоевского, я все же отваживаюсь в этой статье ограничиться весьма узкой постановкой вопроса, сосредоточив внимание только лишь на мире национальных идей Достоевского, и рассматриваю эти идеи главным образом на материале его публицистики. Правомерно ли это? Вновь обращаюсь к М.М. Бахтину, посвятившему проблеме "Идея у Достоевского" одну из центральных глав своей книги: "... идеи самого Достоевского, высказанные им в монологической форме вне художественного контекста его творчества (в статьях, письмах, устных беседах), являются только прототипами некоторых образов идей в его романах. Поэтому совершенно недопустимо подменять критикой этих монологических идей-прототипов подлинный анализ полифонической художественной мысли Достоевского"². Конечно, "прямые монологические идеи" Достоевского, высказанные им в публицистических выступлениях, в художественном контексте его творчества обретают новые черты; в анализе их полифонического раскрытия должны найти объяснение и все связанные с ними противоречия, часто шокирующие читателя нашего времени. Но "монологические идеи" публицистики Достоевского оказывали свое влияние на современную ему общественную жизнь, на общественное мнение. Свидетельства современников Достоевского показывают, что многие его публицистические выступления шокировали и их. Они читали статьи Достоевского, не соотнося высказанные в них идеи с "образами идей" в его великих романах. Для многих из них пророком, провидцем был не художник, не автор "Преступления и наказания", а публицист, автор статей в журналах "Время", "Эпоха", "Гражданин" и особенно автор "Дневника писателя", вызывавшего в широкой публике живой интерес и рождавшего горячие непосредственные отклики. Это, несомненно, дает право обсуждать общественно-политические идеи Достоевского вне контекста его творчества. Разумеется, при этом следует помнить, что полноценное исследование идейного мира Достоевского впереди.

Достоевский занимал в общественной жизни своего времени совершенно определенное место и не раз прямо высказывался относительно своих общественных, политических, исторических взглядов. Современники писателя горячо спорили о его роли в общественной жизни России. Один из идеологов народничества Н.К. Михайловский, оспаривая восторженные оценки, особенно громко звучавшие после кончины писателя, писал в 1882 г.: "Бог с ним, с этим вздором о роли Достоевского, как духовного вождя русского народа и пророка..."³ Но это был не вздор: Достоевский несомненно стремился к участию в идейной и даже политической борьбе своего времени, о чем свидетельствует и его художественное творчество (вспомним, например, роман "Бесы"), и больше всего его знаменитый "Дневник писателя". Он, несомненно, хотел быть если не духовным вождем, то пророком, и большинство сов-

ременников именно так его и воспринимали. "Истинный двигатель общественной мысли", "ясновидящий предчувственник истинного христианства" — так говорил о нем Владимир Соловьев примерно тогда же, когда и Михайловский, т.е. через год после смерти писателя⁴. Почитатели - с одной стороны, критики - с другой, либо зачисляли его в лагерь охранителей и утверждали, что Достоевский, как писал позже Л. Шестов, "при всей независимости своей натуры, все же оказался в роли певца русского правительства", "певца существующего порядка, которого люди по ошибке приняли за вдохновителя дум, за властителя отдаленнейших судеб России"⁵, либо объявляли Достоевского провозвестником русской революции⁶. Нечто подобное происходит и поныне: не только современный - из конца XX столетия - взгляд на вещи и ангажированность собственной эпохой, но и само содержание творчества и публицистики Достоевского диктует любому исследователю желание (часто неосознанное) "подтянуть" великого писателя к тому или иному общественно-политическому или идейному лагерю эпохи Достоевского или собственной эпохи. Излишне, наверное, говорить о том, что рассуждения Достоевского о русской национальной идее или об особых свойствах русского народа подхватывают отнюдь не только исследователи. Но и исследователи, в том числе и самые серьезные, отдают дань этой тенденции. В.А. Твардовская, например, известный знаток общественно-политической ситуации и общественно-политической борьбы в России второй половины XIX в., с большим облегчением констатируя в своей содержательной книге о великом писателе, что ныне не приходится говорить о классовых корнях Достоевского и классовом смысле его деятельности, не нужно "привязывать его к определенным социальным группировкам", все же (невольно, может быть?) стремится отыскать в нем то, что хоть сколько-нибудь сближает его с демократическими силами. Ее утверждение, что "позиция Достоевского в общественной мысли России... определялась прежде всего его устремленностью к истине"⁷, повисает в воздухе. Порой исследователи ограничиваются вполне справедливой, но не скрывающей за собой особых размышлений констатацией, что Достоевский в своих взглядах противоречив.

Хорошо известно, что первостепенное место в мире идей Достоевского занимает проблема "Россия и Запад", "Россия и Европа", и это нашло отражение в его художественном творчестве, в публицистике, в письмах и в записях разрозненных мыслей. Исследователи многократно обсуждали эту проблему. Важнейшим ее аспектом является национальный вопрос. Отношение писателя к национальному вопросу может служить одной из "лакмусовых бумажек", позволяющих точнее определить его место в российском обществе его времени, его роль в воспитании последующих поколений (если о таковой вообще можно говорить) и даже его место в общественной и идейной борьбе нашего времени: ведь Достоевский, в отличие от других классиков золотого века русской литературы, которых ныне "сбрасывз-

ют с корабля современности" за несостоятельность, дидактичность, претензию на роль учителей жизни, это место сохраняет (помимо всего прочего, гениальное художественное проникновение в область подсознательного оказалось, похоже, необыкновенно созвучным нынешней эпохе).

Между тем большая часть исследователей отношение Достоевского к национальному вопросу и связанную с этим сторону личности великого писателя старательно обходит. Даже В.А. Твардовская, утверждающая, что зарубежные исследователи несправедливо "приписывают" ему национализм, не только не пытается проанализировать и предметно опровергнуть эти их оценки, но вообще отношения Достоевского к национальному вопросу не касается. А Л. Сараскина утверждает: «Только очень предвзятый, предубежденный и, в общем, недобросовестный читатель увидит в направлении мысли Достоевского "заядлость" славянофила и тем паче - ксенофоба»⁸.

Одной из главных причин, побудивших меня выступить с данной статьей, стало желание возразить этим исследователям и попытаться восстановить истинное положение вещей. Г. Померанц, высоко ценящий великого писателя и даже преклоняющийся перед его талантом, заметил: "Как-то так выходит, что мы все прощаем Достоевскому и проходим мимо, к правде, ради которой даже такие вещи, которые мы другому не простили бы, совершенно необходимо простить. Как будто имеешь дело с юридическим". Но все же Г. Померанц решился назвать ксенофобию Достоевского мерзостью, которую тот "оправдывал народностью и которой охотно предавался, да простит его Бог"⁹. Г. Померанц - единственный из всех касавшихся этой проблемы - попытался специально разобраться в высказываниях Достоевского по национальному вопросу, порой кажущихся странными и противоречивыми, и предложил собственное объяснение ксенофобии писателя. Оно состоит в следующем. У раннего Достоевского, примерно до 1864 г. (до возвращения из первой поездки за границу), ксенофобии нет. В "Записках из мертвого дома" в описании каторжного из евреев Исаия Фомича преобладает этнографический интерес и симпатия. И нет той ненависти и презрения по отношению к евреям, которые потрясают при знакомстве с Достоевским второй половины 70-х годов. Каторжники-поляки, каторжники-кавказцы, все инородцы в "Мертвом доме" действительно отмечены симпатией автора. В "Неточке Незвановой", в "Униженных и оскорбленных" иностранцы изображены в нейтральных тонах (здесь я не могу вполне согласиться с Г. Померанцем: в "Униженных и оскорбленных" немцы в кондитерской Миллера изображены не совсем нейтрально). В последние годы жизни Достоевского, полагает Померанц, начиная примерно с 1875 г., его ксенофобия смягчается. Померанц пишет: как и Версильев в романе "Подросток", Достоевский в начале своего жизненного и творческого пути был погружен в европейскую культуру; затем задача создания собственной, самобытной русской культуры, поиски русской национальной идентичности породили

в нем, в его страстной натуре потребность оплевать Европу. Было предполагает Померанц, и нечто личное, изменившее отношение Достоевского к Западу. Во время его европейского путешествия с А.П. Сусловой та неожиданно изменила ему с неким испанцем, о котором известно только, что звали его Сальвадор и что он был красивый и ловкий молодой человек. Этот тяжкий эпизод, который, согласно мнению Померанца, Достоевский пережил не только как предательство возлюбленной, а как столкновение двух культур — европейской и русской - повлек за собой у писателя стихийную выработку нового "анти-красноречия" - в языке и в миропонимании (это ясно видно в "Игроке", где ничтожный "западный" человек де Грие с его утонченной формой поведения противопоставлен внешне невыразительной или неловко выраженной русской душевности Алексея Ивановича). Именно после этого эпизода, утверждает Померанц, складывается новый язык и стиль Достоевского, стиль его великих романов - "с заиканием и торопливостью", которых нет, например, в "Бедных людях". "Антикрасноречие, выход наружу из подполья" - также и духовный поворот. На протяжении последующих десяти лет становление новой прозы Достоевского "судорогой ненависти" защищено от каких-либо европейских норм и приличий. Рождается новый Достоевский, и в этом процессе ненависть к Западу и к чужим вообще стала "накладным расходом". Завершение этого процесса знаменуется некоторой стабилизацией, ослаблением ксенофобии. Происходит реабилитация Запада, и чувство благодарности западной культуре, составлявшей опору для молодого Достоевского, снова всплывает в монологах Версилова в "Подростке". Версилов - это поправка писателя ко всему, что он сказал о Европе в 1867-1873 гг. Но исчезающая европофобия, пишет Померанц, компенсируется у Достоевского усилением юдофобии и враждебности к полякам. Приходящаяся на конец 70-х годов выработка русской национальной идеи, в которой главный компонент - русский "народ-богоносец", требует и наличия противоположного персонажа - "народодьявола", и им становятся для Достоевского евреи и поляки. С этой частью концепции Г. Померанца я согласна не вполне, вернусь к этому ниже.

То, что говорит Г. Померанц о связи между выработкой русской национальной идеи и ксенофобией Достоевского, можно дополнить и другими соображениями. Молодой Достоевский, до ареста и каторги - западник, высоко ценящий европейскую культуру. Знакомство с народом через мир каторжников, осознание на собственном опыте того факта, что между ничтожно малой образованной частью общества и огромной его массой, составляющей соль русского народа, существует настоящая пропасть, связанные с этим размышления о будущем России приводят его к известной идее почвенничества, впервые выраженной в 1860 г. в объявлении о подписке на созданный им вместе с братом журнал "Время". России предстоит преодолеть эту пропасть, возникшую в результате петровских преобразований, "создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народ-

ного духа и из народных начал"¹⁰, отказавшись от тех форм, что были заимствованы за рубежом и навязаны ей в эпоху Петра I. Такой поворот, по мысли Достоевского, будет равен по значению петровским преобразованиям но, в отличие от них, это будет мирное действие, основанное на всеобщем согласии. Обычно исследователи подчеркивают универсализм этой идеи - выработка новых форм будет носить "общечеловеческий" характер, "русская идея" станет синтезом тех идей, которые развивает Европа в отдельных своих национальностях. Дополненная и развитая, эта мысль составит сущность произнесенной Достоевским 20 лет спустя знаменитой пушкинской речи.

Гораздо меньше обращают внимание на то, что в статьях о русской литературе, опубликованных в первых номерах журнала "Время" в 1861 г., особенно во "Введении", напечатанном в первом номере, писатель связал проблему русской национальной идентичности с невозможностью поладить с Европой - по причине "какого-то большого чувства недоверчивости" и крайней высокомерной неприязни, которые, по его мнению, Европа питает к России. Развитый в дальнейшем, этот тезис превращал национальную идентичность в национальную исключительность. Во все последующие годы у Достоевского постоянно повторялась в разных вариациях, в публицистике и в художественном творчестве, другая мысль: "Да, мы веруем, что русская нация — необыкновенное явление в истории человечества", в русском характере содержится "высокосинтетическая способность всепримиримости, всечеловечности..."¹¹. Две мысли - о непримиримых противоречиях, существующих извечно между Россией и Европой, и о русской нации как явлении необыкновенном — не покидали Достоевского никогда и составили основу его русской идеи. Таково было решение извечной проблемы "свои" - "чужие", которую решает для себя каждый человек и которую Достоевский решал не только для себя, но имея в виду российское общество, Российское государство и судьбы Европы.

Размышления Достоевского о Европе впервые были подкреплены личными впечатлениями, сложившимися во время его первого путешествия за границу в 1862-1863 гг. и изложенными в "Зимних заметках о летних впечатлениях". Мрачный Лондон 60-х годов, по которому он бродил в течение восьми дней, контраст "золотого Ваала" и миллионов 'отставленных и прогнанных с пира людского" произвел на него впечатление величественное и вместе с тем страшное. Впечатления от помещения Парижа - столицы Второй империи во главе с презираемым в России Наполеоном III были отражены в ядовитом памфлете, занимающем значительную часть "Зимних заметок". Для нынешнего француза, писал Достоевский, деньги составляют главную цель. От него "не только убеждений, но даже размышлений не спрашивают"¹². "Врожденное лакейство", как следствие его - беспринципность и склонность к предательству, готовность к лести и потеря "чутья чести" - "подличают, не ведая, что творят, из добродетели". Фальшью и лицемерием пронизана жизнь любого преуспевающего француза: ему "все равно,

что настоящая любовь, что хорошая подделка под любовь", а "брак большею частью есть бракосочетание капиталов"¹³ и т.д. и т.п. Но французы представлены в этих заметках скорее не как этнос, а как концентрированное олицетворение всего западного. Европа, повторял он, - царство наживы и денег; жизнь без будущего и без идеала - таков удел ее жителей; ложь и лицемерие проступают сквозь маску благопристойности. Здесь все "обуржуазилось", для всех главное - процветание и внешнее благополучие, все социальные язвы надлежит скрывать, отсюда — всеобщие лицемерие и фальшь, проступающие сквозь маску благопристойности. И еще одна черта современного европейца и европейской жизни — "начало личное, начало особняка, усиленного самосохранения, самопромышления, самоопределения в своем собственном Я, сопоставление этого Я всей природе и всем остальным людям, как са-моправного отдельного начала"¹⁴. Исключение Достоевский делает, пожалуй, только для англичан. Хотя в Англии, как и во всей Европе, "страстная жажда жить и потеря высшего смысла жизни", хотя высокомерные англичане и считают себя первыми в Европе, а остальных числят во второстепенных, все же это "народ очень, напротив, умный и весьма широкого взгляда. Как мореплаватели, да еще просвещенные, они перевидали чрезвычайно много людей и порядков во всех странах мира. Наблюдатели они необыкновенные и даровитые. У себя они открыли юмор, обозначили его особым словом и растолковали его человечеству"¹⁵.

Роман "Игрок" служит некой художественной иллюстрацией к "Зимним заметкам о летних впечатлениях". Вся история вертится вокруг "золотого тельца". Мошенничество француза де Грие, алчность его приятельницы авантюристки Бланш рождают темные страсти и влекут за собой гибель. Письмо де Грие к Алексею Ивановичу - иллюстрация к словам из "Зимних заметок" о том, что у французских буржуа утрачено чувство чести и "у самого подлого французика, который за четвертак продаст вам родного отца, такая внушительная осанка, что на вас даже нападает недоумение". Благородный, деловой, твердый и спокойный, вызывающий всеобщие симпатии англичанин Астлей, образ которого, напоминающий героев Диккенса, соответствует бытовавшему в русской демократической среде представлению об англичанах¹⁶, спасает от бесчестия одну из героинь - Полину.

А что же немцы? Единственные немцы в "Игроке" - весьма второстепенные персонажи - чета барона и баронессы Вурмергельм с их отталкивающей внешностью, невоспитанностью, самодовольством и глупостью. Но о немцах - важнейшее, ключевое рассуждение главного героя: «Я лучше захочу всю жизнь прокочевать в киргизской палатке-чем поклоняться... немецкому способу накопления богатств... здесь везде у них в каждом доме свой фатер, ужасно добродетельный и необыкновенно честный... всякая здешняя семья в полнейшем рабстве и повиновении у фатера. Все работают, как волю, и копят деньги, как жида». Лет через 50 или 70 нук первого фатера передаст сыну значительный

капитал, "тот своему, тот своему, и поколений через пять или шесть выходит сам барон Ротшильд или Гоппе и Комп. ... право, неизвестно еще, что гаже: русское ли безобразие или немецкий способ накопления честным трудом"¹⁷. Вспомним, что и герой "Подростка" одержим мыслью стать богатым "именно как Ротшильд", но достигнуть этого "не по-фатерски", т.е. не на немецкий лад, не так, как это описывает герой "Игрока". Это, пожалуй, главный мотив в изображении немцев у Достоевского.

У Достоевского англичане, французы, итальянцы, при некоторых национальных различиях, в общем как бы сливаются в единое понятие - "европейцы" или "западные люди". Иное дело немцы. Немцы рядом, дома. В Петербурге писатель видит всякий день их чужие и неприятные ему лица, слышит из их уст исковерканную русскую речь, о которой Пушкин добродушно говорил, что русский человек ее без смеха слышать не может. Достоевскому, алчущему силы самобытной России, немцы представляются какими-то нелепыми прыщами или даже досадными болячками на здоровом теле русского нарзда. Некрасивые, грубые, пьющие свое пиво и курящие скверный табак, всех презирающие... Анализ их природы у Достоевского куда более подробен и для него важен, чем замечания специально о французах и специально об англичанах. Он основан больше всего на наблюдениях над "своими", русскими немцами. Их историческим и повседневным присутствием и участием в русской жизни обусловлено то особое место, которое они занимают не только у Достоевского, но и в русской литературе вообще. Все, что связано с немецкой высокой культурой: великий Гете; кумир его молодости, романтический Шиллер, вообще знаменитый "германский Geist" - это совсем другое, к России отношения не имеющее. Среди всех прочих европейских народов, объединенных в представлениях Достоевского поклонением золотому тельцу и отсутствием идеалов, немцы занимают совершенно особое место, и его отношение к немцам теснейшим образом связано с выработкой его русской национальной идеи.

Немецкий филолог Ф. Нойман обратил внимание на то, что в произведениях всех русских писателей XIX в. немцы, изображающиеся чаще всего без всякой симпатии, - это, как правило, схематические, неживые фигуры¹⁸. Если оставить в стороне трогательную фигуру учителя Карла Иваныча из "Детства" Л. Толстого и образ Лемма в "Дворянском гнезде" И.С. Тургенева, я готова согласиться с этим наблюдением. Яркий пример - Штольц и Обломов у Гончарова. Немец Андрей Штольц олицетворяет собой положительное начало в русской расхлябанной жизни и в некотором смысле фигура идеальная. Обломов - воплощение русского характера, обуславливающего многие российские беды. Но как же схематична и мертва фигура правильно живущего и добивающегося успеха Штольца и как жива и обаятельна фигура его друга и антипода Ильи Ильича, несмотря на весь осознаваемый и писателем, и читателем ужас его жизни!

И у Достоевского, в его художественных произведениях, образы немцев насквозь функциональны. В романах Достоевского постоянно встречаем немцев. Они составляют непрременную, хотя и не очень заметную часть петербургского пейзажа - доктор, музыкант, танцовщик, хозяин кондитерской, слесарь, булочник, седельный мастер, красильщик, шляпный мастер, ростовщик, содержательница публичного дома, квартирная хозяйка. Среди них есть добрые, отзывчивые люди - даром лечащий бедных больных и крестьян доктор Герценштубе из "Братьев Карамазовых", на судебном заседании с симпатией рассказывающий о подсудимом Мите; доктор, который лечит Нелли в "Униженных и оскорбленных", в том же романе - немцы из кондитерской Миллера, сочувствующие старику Смиуту и готовые помочь ему, когда умирает пес Азорка. Те немцы, которые играют роль отрицательных персонажей, тоже вовсе не злодеи, но большей частью болваны - клеящий из картона кирху, театр и железную дорогу ничтожный губернатор фон Лембке и его помощник Блюм в "Бесах". Безлично отрицательна содержательница публичного дома Лавиза Ивановна в "Преступлении и наказании". В "Униженных и оскорбленных" в кондитерской Миллера ежевечерне собираются петербургские немцы, спокойные, добропорядочные, чинно пьют свое пиво, читают свои газеты, изредка переговариваются - то новость из Франкфурта, то какой-нибудь "виц". Картина немецкого скромного уюта дополняется воспроизведением речи "русских немцев", обыгрываемой писателем всюду, где у него появляются немцы. Здесь, как и вообще чаще всего в художественных произведениях Достоевского, немцы являют собой олицетворение филистерства, и в этом случае он придерживается добродушно-иронического тона. Но в мелодиях музыкальной "забавной штучки" под названием "Франко-прусская война", которую у Лембке исполняет Лямшин ("Бесы"), тон иной. Лямшин играет "Марсельезу" и в ее грозный напев влетает "гаденькие" звуки «вечного немецкого "Augustin"». Они укрепляются, перебивают мелодию Марсельезы, и наступает победа "сильных звуков, в которых чувствуется безмерно выпитое пиво, бешеное самохвальство, требования миллиардов, тонких сигар, шампанского и заложников"; «"Augustin" переходит в неистовый рев»¹⁹. Помимо того, что в этой картинке очень точно отражено впечатление, которое произвела в Европе франко-прусская война и победа в ней Германии (уместно напомнить, что "Бесы" создавались писателем в 1870-1871 гг. в Дрездене, где он наблюдал начало войны), здесь спрессованы все характеристики немцев у Достоевского.

Гениальный мастер глубочайшего проникновения в человеческую душу и раскрытия всех ее изгибов и тонкостей в своих романах выбирает и подчеркивает в многогранном немецком характере лишь ограниченное число свойств, притом весьма стереотипных; по большей части эти фигуры для него не живые; они олицетворяют либо тупое Мистерство, либо угрожающую грубость. Что касается его публицистики и писем, здесь во всех размышлениях, рассуждениях и просто в ми-

шолетних замечаниях главная функция немцев - функция зеркала. Всматриваясь в немца, он ищет в нем черты русского человека и с удовлетворением констатирует не только различия между немцами и русскими, но и превосходство последних, с помощью постоянных сравнений формирует свой образ русского и русскости.

Достоевский определяет "основные черты народные", присущие немцам - это сочетающиеся с природной тупостью и глупостью "сильная своеобразность, слишком уж упорная, даже до надменности, национальная характерность, которая и поражает иной раз до негодования"²⁰, уверенность в превосходстве своей нации над другими. Любой немец самодоволен и горд собою. Этого наивно-торжественного довольства собою в русском человеке совсем нет, даже в глупом. "Возьмите русского пьяницу, - говорит он, - и... немецкого пьяницу: русский пакостнее немецкого, но пьяный немец несомненно глупее и смешнее русского..." Самодовольство и гордость собой в пьяном немце "вырастают в размерах выпитого пива". Пьяный немец, несомненно, счастливый человек и никогда не плачет: "он поет самосвальные песни и гордится собою. Русский пьяница любит пить с горя и плакать..." "Самодовольная хвастливость всякого немца - исконная черта немецкого характера"²¹. Русский же человек в тайниках своей души сознает свою мерзость и страдает. Он обладает неоценимой способностью к самоосуждению. В нем "видна самая полная способность самой здоровой над собой критики, самого трезвого на себя взгляда и отсутствие всякого самовозвышения..."²² Он испытывает неведомую западному человеку потребность страдания - это "самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа" - и недоступную пониманию европейца способность к покаянию. Немцы уверены в превосходстве своей нации над всеми другими, их хвастливость легко переходит в нахальство. Русских они не жалуют "с самой Немецкой слободы", презирают, не понимают их и завидуют. Они беспредельно высокомерны перед русскими и составляют некое необъявленное сообщество, все друг друга поддерживают. Русские же люди долго и серьезно ненавидеть не умеют. Русский человек простодушен, кроток и незлобив и презирать чужих просто не способен. Немцы, утверждал Достоевский в письме А.Н. Майкову из Дрездена (1871 г.), "пусть они ученые, но они ужасные глупцы!" Еще наблюдение: "Весь здешний народ грамотен, но до невероятности необразован, глуп, туп, с самыми низменными интересами". Пусть они порою выдумали. "А мы в это время великую нацию составляли, Азию навеки остановили, перенесли бесконечность страданий... наконец, немцев перенесли, и все-таки наш народ безмерно выше, благороднее, честнее, наивнее"²³. Русский народ отличается "широкостью ума". К тому же, он обладает, по Достоевскому, особым даром, которого нет ни у одного другого народа. Это "оригинальная русская способность европейского языкознания и многоязычия, способность передавать все европейские языки", способность всякого русского человека говорить на всех языках и "до тонкости" изучить дух любого языка, способность

понять самую душу чужого народа "Шекспир, Байрон, Вальтер Скотт, Диккенс - роднее и понятнее русским, чем, например, немцам..."²⁴, в "Дневнике писателя" в статье "По поводу выставки" писатель рассуждает о том, поймут ли на выставке в Вене (1873 г.) русские картины. Картину Маковского "Любители соловьиного пения", говорит он, за границей понять, конечно, не смогут, а если попытаются, то это будет какое-то отвлеченное понимание. "Но ведь что всего досаднее - это то, что мы-то подобную картину у немцев, из них немецкого быта, пойдем точно так же, как и они сами, и даже восхищаться будем, как они сами, почти их же, немецкими чувствами, а они вот у нас совсем ничего не поймут". И по поводу картины Перова "Охотники на привале": если бы художник изобразил французских или немецких охотников, то "мы, русские, поняли бы и немецкое и французское вранье... угадали бы все, смотря только на картину. Ну, а немец, как ни напрягайся, а нашего русского вранья не поймет"²⁵. Мысль об этом даре русского народа Достоевский повторял много раз и видел в этом даре знак особого предназначения.

Немец скуп и расчетлив. С давних пор это стало расхожим стереотипом, совершенно подобным представлению о том, что немцы немислимы без табака и пива. Подчеркивая постоянно, что эта черта немцев отвратительна, Достоевский явно оправдывал русского человека, готового "зря и безобразно" протратить приобретенное, его бесшабашность толковал как широту натуры. Удивительно это стремление даже несомненные недостатки русского народа возвести в достоинства!

Даже то, что вызывает у Достоевского одобрение, тут же рождает и сомнение. Рассказывая о том, как в Эмсе, на водах, его поражала четкая работа девушек, раздававших стаканы с водой, или же о работе горничных, выполнявших свою работу необыкновенно быстро, ловко и спокойно, он замечает: "Уж и не знаю: хулить или хвалить это?.. Тут каждый свое дело знает, хотя, впрочем, каждый только свое дело и знает"²⁶. Даже такое несомненное достоинство, как профессиональность, Достоевскому не хочется похвалить. Похоже, что в подтексте он и здесь сравнивает, ищет аргументы в пользу русского, которому ежедневный однообразный труд тяжел, но не важнее ли немецкой методичности природная склонность русских к импровизации, к творчеству? Так во всех суждениях писателя о немецком характере без труда прочитываются противоположные мнения о характере русском.

В наблюдениях и сравнениях русского народа с европейскими и особенно с немецким народом, формируется у Достоевского представление о некоей особой "русскости", образ "всечеловечного" русского человека, который одновременно и русский и европеец, образ идеальный, несмотря на признание "варварской мерзости" русской народной жизни. Но русская национальная идентичность определяется не только специфическими качествами русского народа, *выделяющими* его среди других европейских народов и *отделяющими* его от них. Главнейшей чертой, обуславливающей его единственность и в то же время делаю-

шего всякого русского в то же время и европейцем, Достоевский считает особую, единственную в своем роде "всечеловечность" русских. «С самого Петра» европейская культура русским чужда, но природная "братская любовь к другим народам" создает в них "высокосинтетическую способность всепримиримости, всечеловечности", наконец, потребность "всеслужения человечеству". В "Подростке" Версиров говорит: "У нас созданя веками какой-то еще нигде не виданный культурный тип, которого нет в целом мире - тип всемирного боления за всех. Это - тип русский". Высшее проявление человеческой личности, свойственное русскому человеку и абсолютно не свойственное европейцу - способность "добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер"²⁷.

Эти высокие особенности дарует русскому человеку, по Достоевскому, православная религия. Только в православии во всей чистоте сохранился утраченный в Европе образ Христа и идеал всемирного единения во Христе. Католическая римская государственность, ставящая перед собой мирские цели и действующая, в сущности, мирскими средствами, забыла об этом идеале, продала образ Христа ценой земного владения, земного господства. Более того: "Римский католицизм... возвестив всему человечеству, что Христос без царства земного на земле устоять не может... тем самым провозгласил антихриста и тем погубил западный мир"²⁸. Что касается протестантизма, то оно содержит в себе лишь одно отрицание. Западные христианские вероисповедания — это уже не христианство. И не в одном ли православии "правда и спасение народа русского, а в будущих веках и всего человечества". Только в нем заключены истинные гуманные начала. Только православие обеспечит России возможность исполнения ее исторической миссии - жить "высшей жизнью", не силой, а убеждением, примером, бескорытием, светом создать братский союз племен и спасти Европу, заботящуюся только о "текущих выгодах", от неизбежного падения. Устами Вереи-лова писатель говорит о Европе: "У них теперь другие мысли и другие чувства. Там консерватор всего только борется за существование; да и петролейщик (речь идет о парижских коммунарах. - С.О.) лезет лишь из-за права на кусок. Одна Россия живет не для себя, а для мысли... Вот Уже почти столетие, как Россия живет решительно не для себя, а для одной лишь Европы"²⁹.

Итак, русская национальная идея, по Достоевскому, "есть всемирное общечеловеческое единение на основе всеобщей любви во Христе" и спасение человечества через православие. Такова всемирно-историческая миссия России и русского народа — единственного "народа-богоносца". С наибольшей силой эта мысль выражена в "Бесах" устами Шатова (в его споре со Ставрогиным): «Если великий народ не верует, что в нем одна истина (именно в одном и именно исключительно), если не верует, что он один способен и призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас же перестает быть великим народом и тотчас же обращается в этнографический материал... но истина одна, а стало

быть, только единый из народов и может иметь Бога истинного... Единый народ - "богоносец" - это русский народ»³⁰.

Л. Сараскина в цитированной выше статье пишет, что говорить о любви Достоевского к родине и народу "легко и приятно". Трудно с этим согласиться: любовь к родине и русскому народу перерастает у писателя в противопоставление России другим государствам и народам, а естественное религиозное чувство - в противопоставление православия всем остальным вероисповеданиям. Русскому человеку, утверждал Достоевский, суждено стать вершителем европейских судеб. Православная вера - лучшая среди всех других - дарует ему совершенно особые свойства. Инстинктивная тяга к братству, общине, согласию, братская любовь ко всем - качества, которых лишены другие народы - создают высокосинтетическую способность русских к "всепримиримости". Это выделяет русского человека среди других и определяет его способность стать "всечеловеком".

Здесь не место обсуждать эту концепцию Достоевского. Она обсуждалась не раз, осуждалась - чрезвычайно редко. Лишь одно полемическое замечание в адрес В.А. Твардовской. Она утверждает, что "при всех издержках" русской идеи Достоевского, при всей наивности противопоставления европейскому пути - "русского развития" как антисловного и по духу общенационального, горячая вера писателя в то, что русская нация - необыкновенное явление в истории человечества, была "оправданной и плодотворной" в эпоху, когда Россия сбрасывала путы крепостничества. В ней Твардовская усматривает "больше самоутверждения, нежели высокомерия, а тем более национализма, который так часто приписывают Достоевскому в зарубежной литературе о нем"³¹. Может быть, и справедливо, что в русской идее Достоевского "больше самоутверждения, нежели национального высокомерия", но самоутверждение осуществляется все же за счет принижения прочих наций и вероисповеданий. Вряд ли можно считать доброкачественным "пробуждение национального самосознания" с помощью идеи национальной и религиозной исключительности, порой приводящей великого писателя к совершенно анекдотическим тезисам о том, например, что "прельщаться поляками, француженками, даже немками означает или духовный разрыв с национальностью, или просто гаремный вкус", но главное - к элементарному шовинизму - "вера их хуже нашей... гуманность без сомнения ниже нашей... гуманные начала даны в нашей вере, и эти наши начала лучше". "Все понятия нравственные и цели русских - выше европейского мира"³².

Крайний национализм Достоевского со всей отчетливостью проявляется в презрительном и брезгливом отношении к евреям и полякам, прикрытом уверениями в отсутствии всякой враждебности и в том, что все "недоразумения" объясняются, напротив, отношением самих поляков и евреев к России и русским.

Что касается поляков и Польши, то отчасти речь идет, собственно, о католицизме, столь ненавидимом Достоевским. В 1863 г., в разгар

польского восстания, в журнале "Время" была опубликована его полемическая статья «Ответ редакции "Времени" на нападение "Московских ведомостей"», в которой было выражено отношение писателя к польскому вопросу, к Польше и к полякам. Европейская цивилизация, воспринятая поляками - это цивилизация, лишенная народных начал, говорится в этой статье, она губительна для славян, она погубила и Польшу. Она "развила антинародный, антигражданственный, антихристианский дух. Она развила у них преимущественно католицизм, иезуитизм и аристократизм, да тем и порешила". "У них вся цивилизация обратилась в католицизм... Мало ли они донимали нас, плевали на нас как на хлопков и за людей нас не считали?" И все это "именно из католической пропаганды, из ярости уволывать прозелитов, из ярости ополячить и окатоличить". А мы эту "хваленую цивилизацию" в грош не ставим и не находим ничего, чем бы поляки могли гордиться. Но, может быть, главное, что прорывается в этой небольшой статье Достоевского, - мотив векового несправедливого унижения России - со стороны поляков и со стороны Европы вообще. Унижают грубые немцы, ловкие французы, унижают высокомерные англичане - они нас ни во что не ставят, пора с этим покончить! Этому должно и будет служить воплощение русской идеи. Так эта русская идея, хотя она, по Достоевскому, есть идея всеобщего мира и единения во Христе, приобретает агрессивный оттенок. Сюда примешивается, несомненно, и государственный, политический мотив. Никогда не будет старой Польши, заявляет Достоевский, и полякам не стоит на это надеяться, будет новая Польша, "освобожденная царем", "равная со всем славянским племенем"³³. И эти рассуждения Достоевского относительно европейской цивилизации и русской самобытности, о противостоянии Европы и России, католической Польши и православной России дополняются презрительным отношением к самим полякам. Е.А. Штакеншнейдер вспоминала слова Достоевского: "Недавно Пашков, этот известный проповедник, принял к себе в дом, отделил помещение и окружил всеми удобствами

- кого бы вы думали? - двух полков, выпущенных из крепости. Черт знает что такое - мало ли русских вешается с голоду, а он - полков!"³⁴ Краски, которыми на страницах его романов обрисованы поляки, "полячишки", везде одинаковы. Достаточно вспомнить картины гулянья в Мокром из "Братьев Карамазовых", где с насмешкой и брезгливостью изображена компания поляков во главе с бывшим женихом Грушеньки: карточные шулера, готовые за деньги на что угодно, комически важны, их речи глупы и напыщенны (пан Врублевский поднимает тост "за Россию в пределах до семьсот семьдесят второго года")³⁵.

И совершенно убийственным для великого писателя выглядит его отношение к евреям. Это не миф, возникший в давние времена и оживленный нынешними искателями соответствующих цитат, как утверждает Л. Сараскина, уверяющая, что статья Достоевского "Еврейский вопрос" ("Дневник писателя" за март 1877 г.) убедительно этот миф опровергает. Начать с того, что слово "еврей" он употребляет довольно

редко. Публицистика Достоевского и его письма пестрят словами "жид", "жидок"; чаще всего именно так называет он евреев, появляющихся в его романах (жидок Лямшин в "Бесах", например). В статье "Еврейский вопрос" Достоевский писал: «Уж не потому ли обвиняют меня в "ненависти", что я называю иногда еврея жидом? Но, во-первых, я не думал, чтоб это было так обидно, а во-вторых, слово "жид", сколько помню, я упоминал всегда для обозначения известной идеи: "жид, жи-довщина, жидовское царство" и проч. Тут обозначалось известное понятие, направление, характеристика века»³⁶. Отчасти это действительно так. Например, в черновой записи, послужившей первоначальной основой для статьи "Еврейский вопрос", Достоевский заметил: "... государство поддерживает жида (православного или еврейского - все равно)"³⁷. Нельзя, однако, предположить, чтобы Достоевский не понимал, что слово "жид" может быть обидным. Многими современниками это слово в его устах воспринималось с возмущением. «В студенческих кружках и собраниях, - вспоминала Е.П. Леткова-Султанова, - постоянно раздавалось имя Достоевского... Отношение к так называемому "еврейскому вопросу", отношение, бывшее для нас своего рода лакмусовой бумажкой на порядочность, - в "Дневнике писателя" было совершенно неприемлемо и недопустимо: "жид, жидовщина, жидовское царство, жидовская идея, охватывающая весь мир..." Все эти слова взрывали молодежь, как искры пороха»³⁸. Конечно, молодежь "взрывала" не "характеристика века", а именно вскрывающее бытовой антисемитизм, унижающее еврея слово "жид".

"Жидовщина" для Достоевского - действительно "характеристика века". Этому вопросу он посвятил большую статью "Еврейский вопрос", помещенную в февральском выпуске "Дневника писателя" за 1877 г. Ее исходный пункт - полемика с А.Г. Ковнером, обратившимся к Достоевскому с двумя письмами³⁹. Оставляя в стороне "исповедь" А.Г. Ковнера, осужденного за подлог, но полагающего, что его поступок — не преступление, и ответ Достоевского, безусловно осуждающего своего корреспондента, хотя и сочувствующего ему, обратимся к затронутому в этих письмах еврейскому вопросу. Ковнер писал автору "Дневника писателя", что тот, человек искренний и абсолютно честный, своими обвинениями в адрес евреев бессознательно наносит огромный вред массе нищенствующего народа. Однако корреспондент Достоевского в своей аргументации был отнюдь не безупречен. Он писал, что из трехмиллионного еврейского населения России по крайней мере 2 миллиона 900 тысяч нравственно чище не только других народностей, но и "обогащаемого вами русского народа"⁴⁰, что "из 80 миллионов облюбованного вами русского народа, в котором думаете находить лекарство, положительно 60 миллионов живут буквально животной жизнью, не имея никакого разумного понятия ни о Боге, ни о Христе, ни о душе, ни о бессмертии ее"⁴¹. На эти пассажи Достоевский отвечал Ковнеру справедливым упреком в высокомерном отношении к русскому народу (хотя, на мой взгляд, и преувеличивал, говоря, что

"это слова ужасной ненависти, именно ненависти"), а свои возражения по существу рассуждений своего корреспондента о положении евреев в РОССИИ развернул в упомянутой выше статье "Еврейский вопрос".

"Великое племя" евреев, пишет Достоевский в этой статье, живучий, необыкновенно сильный, энергичный народ вынес все гонения потому, что всегда сохранял свой "status in statu", основанный на идее избранности еврейского народа. Вытекающие из этой идеи заповеди гласят: знай, что ты един у Бога, остальных истреби, или в рабство обрати, или эксплуатируй. Эта историческая еврейская идея рождает дух безжалостности и неуважения в отношении ко всякому народу и ко всякому человеку, кто не есть еврей, утверждает писатель. И в Европе, где евреи приобрели невиданную власть, они заменяют многие прежние идеи своими. Ныне здесь царит идея жидовства, продолжает Достоевский, во-первых, "утверждающая верховно принцип матерьялизма", "плотоядную жажду личного матерьяльного обеспечения, признаваемые за высшую цель, за свободу, за разумное", а, во-вторых - нравственный принцип "всяк за себя и только для себя". Тут Достоевский делает примечание, поясняет, что в этом принципе состоит "основная идея буржуазии, замесившая собою в конце прошлого столетия прежний мировой строй, и ставшая главной идеей всего нынешнего столетия во всем европейском мире"⁴².

В приведенных выше рассуждениях Достоевского о "жидовщине" мысли о национальном характере этого явления действительно переплетаются с рассуждениями о его социальном смысле. Это, по-видимому, и дало основание Л. Сараскиной утверждать, что Достоевский переводит "взаимную несимпатию" евреев и русских в плоскость социальную. Писатель был отнюдь не одинок в своих рассуждениях о "жидовщине". В России 60-х годов XIX столетия, в обстановке начинающейся модернизации в массовом сознании закрепился на новом уровне связанный с устойчивой и не рационализируемой мифологией "еврейства" давний образ еврея-торговца, а теперь и предпринимателя, энергичного, расчетливого, ловкого, предприимчивого, независимого, лишённого традиционных сословных и общинных связей и ограничений. Традиции православной соборности и коллективной взаимозависимости побуждали представлять враждебным все, что выламывалось из этих традиций. Заметим в скобках, что обострение "германского вопроса" в России, начавшееся тогда же, несомненно тоже было связано с этим процессом.

Общие положения относительно исторической еврейской идеи и "жидовщины как характеристики века" принимают несколько иной характер, когда Достоевский конкретизирует их применительно к России. Отвечая на соображения Ковнера относительно стеснения евреев в правах, он дает волю внутреннему раздражению и подчеркивает, что евреям, постоянно охваченным "брюзгливой скорбью"⁴³, свойственна привычка поминутно жаловаться на свою судьбу, тогда как русскому народу приходится несколько не легче, и не в последнюю очередь

именно от евреев. В России, пишет Достоевский, евреи наносят страшный вред народу. Они "пьют народную кровь и упиваются развратом и унижением народным"; покупают землю и, став помещиками, "чтобы воротить капитал и проценты, иссушают всю силу и средства купленной земли", и иссушается не только земля, но и мужик. Освободили крестьян, и первый, кто бросился на крестьянина, как на жертву, "воспользовался его пороками преимущественно, оплел его вековечным своим золотым промыслом", был еврей, которому "до истощения русской силы дела нет, взял свое и ушел". Стоит задуматься над тем, следует ли уравнивать их в правах с коренным населением. Ведь если они сохраняют свой строй, свою "особность", свои принципы, не получают ли они нечто большее, высшее, чем коренное население? "Еврей, где ни поселялся, там еще пуще унижал и развращал народ"⁴⁴. И еще более резко и откровенно выражены мысли Достоевского в черновой записи, не предназначенной для публикации, но связанной со статьей "Еврейский вопрос". "Ограничить права жидов во многих случаях можно и должно, - пишет он. - Почему, почему поддерживать это Status in statu. Восемьдесят миллионов существуют лишь на поддержание трех миллионов жидишек. Наплевать на них"⁴⁵. Вообще в своих записных тетрадях, равно как и в письмах, Достоевский куда более откровенен, чем в статьях, предназначенных для печати. В частных письмах он с особой злобой говорит об "отсталых либералах", которым нет дела до того, что "теперь жид торжествует и гнетет русского", возмущается даже властями, которые никак не могут осознать, "сколько в этой нигилисти-не орудует (по моему наблюдению) жидкое...". Ведь "жиды страшно участвуют в социализме, а уж о Лассалях, Карлах Марксах и не говорю. И понятно: жиду весь выигрыш от всякого радикального потрясения и переворота в государстве, потому что сам-то он status in statu, составляет свою общину, которая никогда не потрясется, а лишь выиграет от ослабления всего того, что не жиды"⁴⁶.

Удивительно стремление даже самых серьезных исследователей замолчать или, во всяком случае, смягчить высказывания великого писателя о евреях. И. Волгин, изучавший специально "Дневник писателя", опубликовал датированное августом 1876 г. письмо неизвестного к Достоевскому, в котором тот сетует на то, что с фанатизмом, недостойным собственных идеалов, автор "Дневника" проповедует "чуть ли не крестовый поход против ислама и гражданское гонение против евреев". Волгин вступает за автора "Дневника писателя": нигде-де он не призывает ни к какому "крестовому походу", не проповедует он и "гражданское гонение против евреев", а напротив высказывается за совершенное расширение прав евреев в формальном законодательстве⁴⁷. Действительно, в статье "Еврейский вопрос" Достоевский говорит: "Я окончательно стою... за совершенное расширение прав евреев в формальном законодательстве и, если возможно только, и за полнейшее равенство прав с коренным населением". Но И. Волгин как бы не заметил следующей за этими словами фразы Достоевского: "Приходит тут

же на ум, например, такая фантазия: ну что если пошатнется каким-нибудь образом и от чего-нибудь наша сельская община... нахлынет всем кагалом еврей... и наступит такая пора, с которой не только не могла бы сравняться пора крепостничества, но даже татарщина". Нет, пусть "сам еврейский народ докажет способность свою принять и воспользоваться правами этими без ущерба коренному населению"⁴⁸. Это дополнение — не сводит ли оно на нет формальные слова Достоевского об уравнивании евреев с коренным населением в формальном законодательстве?

Тезис Достоевского о "жидовщине" как "характеристике века" отнюдь не исчерпывает его отношения к еврейскому вопросу и к евреям. Как ни уверяет он читателя, что не испытывает той ненависти к еврейскому племени, в которой его порой обвиняют, очень часто у Достоевского проглядывает простое желание унижить евреев. Это ясно видно, например, в "Бесах", в образе "жидка" Лямшина. Лямшин "на побегушках" у жены губернатора фон Лембке. Он "ставит себе за честь роль шута", потешает ее гостей своей "музыкальной штучкой", изображает на вечеринках у Степана Трофимовича "разных жидков, испогедь глухой бабы или родины ребенка", а затем в гостиний фон Лембке "карикурирует" и самого Степана Трофимовича; участвует во всяких скандальных гадостях; мелко торгуется с Шатовым, пришедшим к нему продать револьвер; трусливо и омерзительно ведет себя в момент убийства Шатова. Не хочется приводить примеры грубых бытовых антисемитских высказываний, которыми пестрят письма Достоевского.

Вернусь к рассуждению Г. Померанца, полагающего, что юдофобия Достоевского развивается лишь в 70-х годах, "компенсируя" затухающую европофобию, что русская национальная идея предполагала противопоставление русскому "народу-богоносцу" "народодьяволу", и этим "народодьяволом" стал для него еврейский народ. По-моему, характер большинства высказываний Достоевского о евреях, в частности, и бездумное употребление слова "жид", свидетельствует о том, что его антисемитизм не внезапно вспыхнул и не возник в результате теоретических размышлений, а скорее лишь прорвался в эти годы и расцвел пышным цветом в дальнейшем. Вероятнее всего, выросший в православной семье, скованной строгостью отца, Достоевский мог еще в детстве воспринять ту враждебность к евреям, которая имеет глубокие Религиозные корни в архаических пластах сознания, лежащих ниже горизонта рефлексии, и преодолевается на уровне выше этого горизонта. Так было, например, у Чехова: ментальный антисемитизм, хотя и смягченный его натурой (ни в его юмористических рассказах, ни в его письмах, где можно обнаружить еврейские анекдоты, мы не найдем и следов той злости, которой горит Достоевский), на уровне рефлексии уступает место сочувствию евреям и размышлениям о них (вспомним хотя бы "Степь", "Скрипку Ротшильда", "Иванова"). У Достоевского же на уровне рефлексии ментальный антисемитизм находит теоретическое обоснование в рассуждениях о религиозно-исторической роли

еврейского народа и облекается в идеологическую форму. Истинным избранным народом он объявляет русских с их способностью "всепримиримости" и "всечеловечности", евреев же - их главными врагами. Это особенно ясно видно в письме к Ю.Ф. Абаза, где, рассуждая о том, что идея "исключительности", владеющая "породой людей" на протяжении нескольких поколений, неизбежно обособляет ее и даже превращает в нечто враждебное человечеству, Достоевский писал: "Христос... был поправкою этой идеи, расширив ее во всечеловечность. Но евреи не захотели поправки, остались во всей своей прежней узости и прямолинейности, а потому вместо всечеловечности обратились во врагов человечества, отрицая всех, кроме себя, и действительно теперь остаются носителями антихриста..."⁴⁹ А то, что до конца 60-х годов мы не найдем у Достоевского открытых проявлений антисемитизма и ксенофобии вообще, объясняется, вероятно, тем, что тогда в нем жили еще отзвуки идей, которые владели им в молодости, в годы ученья и посещения кружка Петрашевского, увлечения Шиллером и Фурье.

В заключение подчеркнем: отношение Достоевского к Западу, к Европе, к "чужим" изменяется в процессе поиска национальной идентичности. Русскость обретается через отрицание "чужого", а мессианизм русской национальной идеи Достоевского делает это отрицание непримиримым и агрессивным, что не слишком сочетается с тезисом о "всепримиримости" и "всечеловечности" русских. Как во всех национальных идеях крупных народов, в ней несомненно содержались ростки национализма и шовинизма.

¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 4.

² Там же. С. 155.

³ Михайловский Н.К. Жестокий талант // Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. СПб., 1903. Т. 5. С. 4.

⁴ Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931. М., 1990. С. 43.

⁵ Шестов Л. Пророческий дар (к 25-летию смерти Достоевского) // О Достоевском... С. 122-123.

⁶ См.: Мережковский Д.С. Пророк русской революции (к юбилею Достоевского 1906 г.) // О Достоевском... С. 93.

⁷ Твардовская В.А. Ф.М. Достоевский в общественной жизни России. М., 1990. С. 327, 329.

⁸ Сараскина Л. Достоевский - чей он? // Лит. газ. 1990. 7 февр.

⁹ Померанц Г. Встречи с Достоевским. М., 1990. С. 134, 257.

¹⁰ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 36 (далее все ссылки на тексты художественных произведений, публицистических сочинений и писем Достоевского даны по этому изданию: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972-1990 с указанием тома и страницы).

¹¹ Т. 18. С. 54-55.

¹² Т. 28. Кн. II. С. 27.

¹³ Т. 5. С. 82, 84, 91-93.

- ¹⁴ Там же. С. 79.
- ¹⁵ Т. 22. С. 95; т. 26. С. 71.
- ¹⁶ См.: *Катарский И.* Диккенс в России. М. 1966. С. 357.
- ¹⁷ Т. 5. С. 225-226.
- ¹⁸ *Neumann F.W.* Deutschland im russischen Schrifthum // Die Welt der Slaven. 1960. Н. 2. S. 119-120.
- ¹⁹ Т. 10. С. 252. В. Дороватовская-Любимова высказала предположение, что создание именно "музыкальной комедии" было связано с конкретными историческими обстоятельствами. Император Наполеон III запретил пение "Марсельезы", но в июле 1870 г., когда Франция объявила войну Пруссии, она вновь была разрешена и стала как бы сигналом к войне. В описании "музыкальной штучки" Лямшина сатирически обыгрываются слова из циркуляра Жюль Фавра по поводу войны, а затем его позорное поведение после капитуляции французов. См.: *Дороватовская-Любимова В.* Французский буржуа (материал к образам) // Литературный критик. М., 1936. Кн. 9. С. 210.
- ²⁰ Т. 23. С. 76.
- ²¹ Т. 21. С. 36; т. 25. С. 155.
- ²² Т. 18. С. 55.
- ²³ Т. 28. Кн. II. С. 243.
- ²⁴ Т. 23. С. 31.
- ²⁵ Т. 21. С. 71, 72.
- ²⁶ Т. 23. С. 75.
- ²⁷ Т. 13. С. 376; т. 5. С. 79.
- ²⁸ Т. 10. С. 197. См. об этом: *Карсавин Л.* Достоевский и католичество // Достоевский Ф.М.: Материалы и исследования. Пг., 1922. С. 35-67.
- ²⁹ Т. 13. С. 377.
- ³⁰ Т. 10. С. 199-200.
- ³¹ *Твардовская В.А.* Указ. соч. С. 18.
- ³² Т. 23. С. 89; т. 24. С. 182; т. 28. Кн. II. С. 260.
- ³³ Т. 26. С. 58.
- ³⁴ Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 2. С. 387.
- ³⁵ Т. 14. С. 376-390.
- ³⁶ Т. 25. С. 75.
- ³⁷ Т. 24. С. 211.
- ³⁸ Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 387.
- ³⁹ А.Г. Ковнер (1842-1909) - литератор и журналист, сотрудничавший в демократических журналах "Дело" и "Всемирный труд", автор двух книг, посвященных изображению еврейского быта, проникнутых критикой еврейской национальной ограниченности. Он служил в банке и совершил подлог, за что был осужден на 4 года в арестантские роты. В 1877 г., незадолго до отправки в Сибирь, несколько раз писал Достоевскому, излагая свои общественные взгляды. В двух письмах критиковал писателя за его выпады против евреев и излагал свою точку зрения на положение евреев в России. Эти его письма, послужившие основой для статьи Достоевского "Еврейский вопрос", были опубликованы в книге Л.П. Гроссмана "Исповедь одного еврея" (М.; Л., 1924).
- ⁴⁰ Т. 25. С. 76.
- ⁴¹ Т. 29. Кн. 2. С. 281.
- ⁴² Т. 25. С. 84.

⁴³ В "Преступлении и наказании" свидетелем самоубийства Свидригайлова является "небольшой человек, закутанный в серое солдатское пальто и в медной ахиллесовой каске. На лице его виднелась та вековая брюзгливая скорбь, которая так кисло отпечаталась на всех без исключения лицах еврейского племени. См.: Т. 6. С. 394.

⁴⁴ Т. 21. С. 95; т. 25. С. 78, 83.

⁴⁵ Т. 24. С. 212.

⁴⁶ Т. 30. Кн. 1. С. 43.

⁴⁷ Письма читателей к Ф.М. Достоевскому. Публ. И. Волгина//Вопр. лит. 1971 №9. С. 186.

⁴⁸ Т. 25. С. 86, 88.

⁴⁹ Т. 30. Кн. 1. С. 191.